

Виктор Тюрин

1918 ГОД:
РАССТРЕЛЯННОЕ
ЛЕТО

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «Попаданец»

Выпуск 111

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Тюрин, Виктор Иванович

Т98 1918 год: Расстрелянное лето: роман / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-137830-1

Профессиональный военный попадает в тело поручика царской армии на альтернативной Земле. Идет 1918 год. Гражданская война. Уже с первых минут осознания себя ему придется бороться за свою жизнь. Украина. Ростов. Москва. Все это вехи извилистого пути, который он прошел за два летних месяца. Военный до мозга костей, воспитанный приемным отцом, боевым офицером, прошедшим ряд горячих точек, был выращен на одной-единственной фразе: «Политики и партии — ничто, Россия — всё». Казалось бы, теперь можно выбрать любую дорогу, по которой он сможет пойти, вот только выбор был сделан им давным-давно. Он был и остается русским офицером, готовым служить России.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137830-1

© Виктор Тюрин, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Наша семья распалась, когда мне было десять лет. Мать бросила отца (он был тренером по боксу и очень тяжелым по характеру человеком) и уехала в неизвестном направлении, после чего тот спился, ввязался в драку и угодил в тюрьму. Больше в моей жизни отец не появлялся. Меня взял на воспитание его старший брат. Профессиональный военный, прошедший горячие точки, он получил тяжелое ранение и был вынужден уйти на пенсию. Будучи предприимчивым человеком, недолго оставался не у дел и скоро занял место начальника охраны крупного предприятия. Вроде все у него было. Отличная работа, любящая жена и... сын. Вот только тут произошла осечка. Пока отец воевал, сын незаметно превратился в наркомана. Его вылечили, но вот в сердце отца его уже не было. И тут появился я. Он увидел во мне второй шанс, который дала ему судьба. Усыновив меня, он надеялся сделать из меня то, что хотел видеть в своем сыне, видеть настоящего мужчину, воина, бойца. Из меня получилась хорошая заготовка, потому что я был готов на всё, лишь бы снова не оказаться одному в холодной и грязной квартире, где ничего нет ценного, кроме пустых бутылок. Кровавая драка пьяного отца со своими собутыльниками. Пьяная голая баба, вся в блевотине, спавшая на полу в ванной. Наряды милиции, злобная ругань соседей, презрительные взгляды одноклассников. Все это

я заставлял себя вспомнить, когда не хотелось вставать рано утром и бежать во двор, чтобы час посвятить себя специальной зарядке, разработанной для меня отчимом. Мне приходилось ее делать в любую погоду, так как мороз, дождь, гололед в расчет моим новым отцом не принимались. Рукопашный бой, тир, плавание, прыжки с парашютом. Стараясь изо всех сил, я даже не заметил, когда мой далеко не стандартный образ жизни стал для меня повседневным и привычным.

Мне понравился вкус побед. Я получал удовольствие от схваток с сильным соперником, от точного выстрела, который приносил мне победу в соревнованиях. К этому, наверно, надо прибавить мою предрасположенность к подобной жизни, иначе бы я просто превратился в обычного офицера, который всю свою жизнь мотался бы из гарнизона в гарнизон. В становлении мне немало помогли звериные инстинкты, когда приходилось выживать, в полном смысле этого слова, живя с отцом. Приемный отец не только укреплял и развивал эти способности, а вместе с ними тренировал мою память и наблюдательность к мельчайшим деталям. В дальнейшем специальные методики и преподаватели сумели отточить их до совершенства.

После школы я пошел в армию, так хотел отчим, считавший, что военную карьеру нужно начинать с нуля. Для меня практически ничего не изменилось, за исключением того, что свою комнату я сменил на казарму. После армии я окончил военное училище и в свои двадцать восемь лет был уже опытным, обстрелянным офицером, когда поступило новое предложение. Спросил совета у своего отца, тот дал добро, после чего я поступил и закончил спецшколу, став «специалистом широкого профиля». Вся моя последующая жизнь пошла по накатанной колее: мне ставили задачу, я ее выполнял.

Мои детские воспоминания, что остались в памяти, отвратили меня от создания семьи. Преподавателей, а позже и начальство, такая постановка вопроса вполне устраивала. Как мне как-то сказал один из преподавателей: «Неуязвим тот, кто ни к кому и ни к чему не привязан».

Мой обширный опыт включал в себя двадцать три года участия в спецоперациях по всему миру, как в составе группы, так и в одиночку, создав уникальный сплав разведчика и бойца. Работать приходилось и в горах, и в джунглях, и в городах. Как-то в разговоре со своим коллегой, хобби которого были древние самураи, я услышал и запомнил одну его фразу: наша работа даже рядом не стояла с «кодексом чести самурая». Мне бы рассмеяться над его словами, но я тогда даже не улыбнулся, так как за годы своей военной карьеры сумел совместить понятие «война» со словом «работа», а слово «убийство» у меня осталось для гражданской жизни. Даже в этом случае так считал не я, а уголовный кодекс. Исторического хобби, как у моего коллеги, у меня не было, и большую часть своего свободного времени я посвящал тому, что считал неотъемлемой частью своей работы, рукопашному и ножевому бою. Так и прошла моя жизнь, полностью отданная служению Отчизне, завершившись — неожиданно и банально — на больничной койке.

Украина

ГЛАВА 1

Я стоял перед открытой дверью, нет, скорее, это был проем, из которого бил серебряный свет, заливавший все вокруг меня, но при этом он не слепил. Я знал, что мне надо идти вперед, но почему-то замер в непонятном для меня ожидании. Ваш выбор. Это были не слова, а понимание того, что мне предстоит сделать. Потом появился образ женщины. Она была чуть выше среднего роста, темноволосой, синеглазой, стройной. Очень красива. Причем ее красота была не яркой и вызывающей, а мягкой и спокойной. Я уже тонул в ее взгляде, как вдруг неожиданно увидел несколько расплывающееся перед глазами лицо мужчины.

— Вадим Андреевич, голубчик, вы...

Надо мной нависла чья-то плотная фигура, в бело-грязной рубашке, от которой просто отвратительно пахло. С шеи на веревочке свисал крестик. Прищуренные близорукие глаза мужчины вглядывались в меня с каким-то непонятым изумлением. В следующий миг раздался металлический скрежет и в полутьму ворвался поток солнечного света. Я закрыл глаза.

— Что, крысы золотопогонные, у двери столпились? Прощаетесь?! Ничего! Скоро вы все в штаб к Духонину пойдете! Завтра комиссар приедет и все вам! Революционный суд всем, суки, устроим. А ну, гады, отошли в сторону! Митька! Ты там скоро?!

Откуда-то, явно недалеко, раздался чей-то громкий голос:

— Да щас, Фрол! Щас!

Я услышал шорох одежды, а потом почувствовал гнилое дыхание, вырывавшееся из чьего-то рта.

— Он точно сдох?

Моя звериная интуиция забила в набат, готовя меня к схватке. Все, что происходило со мной, было непонятно, а значит, опасно. В таких случаях я всегда действовал на опережение. Открыв глаза, быстро вскочил. Кто-то за моей спиной удивленно выкрикнул:

— Не может быть!

Следом за ним другой мужской голос удивленно и растерянно произнес:

— Матерь божья, да как же это?!

Стоя в шаге от солдата, я оценивал его как человека и как противника. Он был в грязной, с резким запахом пота, гимнастерке, с широко раскрытыми глазами, сжимал в руках винтовку. На голове, сдвинутая на затылок, фуражка со звездочкой. Глаза злые и растерянные. Мозг мгновенно оценил полученную информацию: гимнастерка старого образца, звездочка на фуражке с плугом и молотом, ботинки и обмотки на ногах, винтовка — мосинка. Солдат Красной армии?! Я пока не понимал, что происходит, но от солдата прямо несло опасностью. Несколько секунд — и растерянность в солдате сменилась на ярость. Стоило мне это почувствовать, как эмоции привычно исчезли, уступив место боевым рефлексам, но первый ход я предоставил противнику, и только из-за того, что совсем не владел ситуацией. Убить его для меня не было проблемой, но потом как-то неудобно извиняться перед мертвецом, если я неверно понял ситуацию.

— Ах ты, сука белогвардейская... — руки солдата привычно перехватили винтовку, направляя ствол

в мою сторону, вот только довести дело до конца я ему не дал. Секунда — и винтовка чуть ли не вылетает из рук солдата. Вторая секунда — новый удар ломает ему гортань, забивая крик обратно в глотку. Резко хватаю солдата за плечо и рву на себя, одновременно уходя в сторону. Солдат, уже за моей спиной, роняет винтовку, падает и хрипит. Слышно, как к сараю подъезжает телега, а также разговор двух человек. Дверь распахнута наружу, причем в их сторону, поэтому видеть они ничего не могли, но вдруг что-то услышали. Прислушиваюсь. Нет, разговор они не прервали, а значит, ничего не заметили, зато через несколько секунд встревожатся, поэтому надо действовать быстро и прямо сейчас. Вперед! Выскочив из сарая, я вижу остановившуюся телегу с сидящим в ней дедом-возчиком и стоящего рядом с ним худого, долговязого солдата с винтовкой за плечом. Он в этот самый момент громко рассказывает деду про фильм, которую когда-то видел в городе, при этом, как сумасшедший, жестикулирует руками. Стоило им увидеть меня, выскочившего из сарая, словно чертик из коробочки, оба резко замолкают и цепенеют. Рывок — и я уже около солдата. Он успевает только сбросить с плеча винтовку, но получив жесткий удар в кадык, роняет оружие и хватается обеими руками за горло. Хрипит, багровеет лицом, затем падает на колени. Хватаю с земли винтовку, с силой бью солдата прикладом по голове. Слышен хруст костей, и тело, тело уже беззвучно заваливается на бок. Оглядываюсь по сторонам, оценивая обстановку и степень опасности.

Сарай, где держали пленных, был расположен на краю деревни. Рядом находилось большое пепелище, которое отделяло сарай от остальных домов, а так как сгорело строение не до конца, то частично загораживало от возможных любопытных взглядов. Ближайшие

ко мне дома стоят за заборами, на окнах белеют занавески, да и дворы в густой зелени. Заметить то, что произошло, можно было только в том случае, если кто-то будет стоять прямо сейчас у окна и смотреть в нашу сторону, но в любом случае надо как можно быстрее убрать труп от чужих глаз, но сначала я бросил взгляд на деда. На его голове была соломенная шляпа, из-под которой выбивались давно не стриженные седые волосы. Загорелое морщинистое лицо. Седые усы свисали вниз, переходя в лохматую бороду. В глазах растерянность и страх.

«Надо успокоить человека. Источник информации».

— Сиди спокойно, отец, и останешься жив. Обещаю.

Он зачем-то несколько раз кивнул головой, а потом стал быстро-быстро креститься.

— Господи, спаси, господи, спаси... — донеслось за моей спиной тихое бормотание старика.

Не успел я схватить труп солдата за руку, как мне на помощь пришел крепко сбитый дядька в нательной рубаше и кальсонах. Его голова была наголо обрита, в отличие от лица, заросшего щетиной, которое было в синяках и кровоподтеках. Вдвоем мы затащили мертвеца за избу и кинули в бурьяне, который в изобилии рос за сараем. Только сейчас я обратил внимание, что за околицей расстилается широкая степь. Порыв ветра словно поднял волны в этом серо-зеленом море, принеся с собой ароматы разнотравья. Солнце грело, но не так сильно — дело шло к вечеру. Мозг автоматически отметил, что там, где я умер, был февраль.

«Там зима, тут лето».

Я позволил себе на минуту отвлечься. Передо мной всегда ставили задачи, которые, в принципе, решались, и пути их решения упиралась только в материальные и человеческие ресурсы, вот только в данной ситуации не было логики, которая могла бы объяснить мое по-

явление здесь, зато были неподдающиеся объяснению факты. Там я умер и возродился здесь, отброшенный назад во времени, в теле умирающего офицера. Вторым пунктом шел якобы сон, который я видел, перед тем как очнуться. Правда, с выбором, который я якобы сделал, было как раз неясно. Зачем мне дали второй шанс, если я об этом не просил? Или это и есть задание, которое мне надо выполнить в этом времени? Время на размышление закончилось. Теперь мне срочно, прямо сейчас, была нужна информация, которая должна дать основу для решения задачи по моему выживанию. Посмотрел на своего коллегу по несчастью. Похоже, он все это время наблюдал за мной. В его взгляде, похоже, был весь набор эмоций, от настороженности до любопытства.

«Если я здесь умер, а потом ожил, то вполне понятен его взгляд», — подумал я, но сказал другое:

— Я частично потерял память, поэтому мне нужно быстро разобраться в ситуации, чтобы выжить. Впрочем, судя по ситуации, это касается не только меня, но и всех вас.

Его глаза чуть расширились, что говорило о еще большем удивлении, но при этом он сохранил самообладание, не стал задавать ненужные вопросы и просто кивнул головой.

— Тогда продолжу. Те двое солдат приехали с телегой, чтобы похоронить мертвеца, то есть меня, я правильно понял? Еще. Мы все пленные, которых скоро должны были расстрелять красные?

— Вы все правильно поняли.

— Тогда нам сейчас надо выиграть время, а значит, создать видимость, что все идет хорошо. Для этого надо переодеть одного человека в красноармейскую форму, пусть изображает часового у сарая. Остальным не выходить. Идемте. Мне надо поговорить со стариком.

После моих слов взгляд бритоголового сразу изменился, стал внимательным и цепким, но решение принял сразу:

— Идемте, поручик.

«Значит, поручик. Примем к сведению».

Из сарая, за исключением нас, никто не выходил, но за порогом, в шаге от двери, стояли двое пленных с винтовками в руках. Бросил быстрый взгляд на них, ожидая увидеть в их глазах отчаяние, но ничего похожего не нашел. Босые и избитые, в нижнем белье, офицеры в то же время излучали решительность и готовность идти до конца. К одному из них быстро подошел бритоголовый и о чем-то тихо стал говорить. Я встал так, чтобы быть прикрытым дверью сарая, после чего подозвал деда, продолжавшего так и сидеть в телеге. Его лошадь, опустив голову, помахивала хвостом, отгоняя оводов.

— Разомни кости, старик. Мне нужно с тобой поговорить, — для полной убедительности я махнул рукой, подзывая его.

Крестьянин неохотно, со смертной тоской в глазах, слез с телеги и медленно подошел ко мне. Его состояние было мне понятно. В его глазах мы были смертниками, которых не сейчас, так потом расстреляют. Вот только до этого они убьют его, так как им совершенно нечего терять. Стоило ему подойти, как я, добавив в голос уважения, спросил:

— Как зовут тебя, отец?

Дед, услышав вопрос, удивленно уставился на меня, словно спрашивая: я все правильно услышал?

— Митричем кличут, ваше благородие, — голос старика был робкий, заискивающий.

— Митрич, скажи мне: какой сейчас год? — не удержался я от вопроса, хотя в данный момент тот ничего для меня не решал.

— Кто ж его знает, вашбродие. Ранее по церковным праздникам считал...

— Конец июня 1918 года, поручик, — прозвучал за моей спиной голос бритоголового.

— Ясно. Теперь скажи мне, Митрич, что за войска в вашей деревне стоят.

Спустя пять минут стало известно, что в деревне стоит хозяйственный взвод какого-то там красного полка, который будучи сильно потрепанным в боях с гетманцами, был отведен на переформирование и определен на постой в этой деревне из-за сохранившейся здесь кузницы. Среди солдат взвода было два десятка умельцев-кожевников и оружейников, которые занимались ремонтом сбруи и оружия. Еще крестьянин рассказал, что у дома бывшего старосты, где теперь жило красное начальство, стоят две отреставрированные тачанки с пулеметами.

— Только патронов в них нема, — предупредил дед, который уже отошел от страха и потихоньку разговорился.

— Спасибо, отец. Мне подумать надо.

В моей голове уже сложился первый пазл. Я, как и все остальные офицеры, был захвачен и теперь находился в плену у красных. Такие эпизоды встречались во многих исторических фильмах. В большинстве случаев они заканчивались побегом, а дальше все зависело от политической направленности сценариста. Только здесь была не съемка. Быстро прикинул обстановку. Несколько человек в нательном белье при двух винтовках. Противник — взвод или немного больше, при тридцати винтовках и двух пулеметах. Нет, при четырех, если патроны под пулеметы на тачанках найдут. Есть еще один хороший момент. Дело к вечеру, начинается темнеть. Если нас не хватятся сразу, то у нас впереди целая ночь. За моей спиной кто-то

резко передернул затвор. Крестьянин дернулся всем телом, словно хотел бежать, но в следующую секунду поник, словно принимая свою судьбу, какая бы она ни была. Я обернулся, разглядывая своих коллег по несчастью. На ногах было четверо, а еще один лежал на кучке соломы. Трое были полураздетые и босые, четвертый был одет в солдатскую форму, но стоял босой, видно сапоги мертвеца ему не подошли. Лицо лежащего мужчины в полумраке я рассмотреть не мог, но судя по тяжелым хрипам и надсадному кашлю, у него было что-то нехорошее с легкими. Все четверо мужчин, судя по их лицам, в достаточной степени познакомились с крепкими пролетарскими кулаками. Слева с краю стоял полноватый мужчина, лет сорока пяти. Он близоруко щурился. Его лицо с пышными усами выглядело вполне добродушно. Ни одной угрожающей черточки. Рядом с ним стоял бритоголовый крепыш. За ним стоял, с жестким лицом и колючим взглядом, долговязый офицер. По какому-то внутреннему наитию я окрестил его «тевтоном» и, как потом оказалось, не ошибся. Именно он был одет красноармейцем. Последним был жгучий брюнет, имевший приятную внешность и голубые глаза. Этаким любимчик женщин.

«Только не сегодня. Сейчас на его опухшее от побоев лицо клюнет лишь подзаборная шалава и то потребует деньги вперед».

Все они смотрели на меня с удивлением и надеждой. И то, и другое я мог понять. Какое-то время назад я умирал, а затем взял и ожил, потом голыми руками убил двух тюремщиков, и вот пленные на свободе и с оружием в руках. Так кто я: ангел или черт?

— Господа, у нас совсем нет времени, тем более на знакомство, поэтому пока обойдемся именами. Меня зовут... — я специально сделал паузу.